

A portrait of a young woman with dark, wavy hair, wearing a white tank top and a dark jacket. She is looking slightly to the right with a neutral expression. The background is dark and out of focus.

Полина Люро
Красавчик

Полина Люро Красавчик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68918532

SelfPub; 2023

Аннотация

Как справиться с поселившейся внутри тьмой? Конечно, влюбиться, и, назло предрассудкам, стать счастливой...

Полина Люро

Красавчик

Когда до дома оставалось от силы шагов двадцать, над головой оглушительно громыхнуло и в попытке опередитьдвигающийся дождь, я на всех парах помчалась вперёд. Но всё равно опоздала: ливень обрушился на голову, мгновенно превратив с таким трудом уложенные волосы в противно облепившие лицо космы. Тонкое платье промокло, просвечивая и задираясь при каждом движении, а неловкая попытка его одёрнуть, чуть не отбросила меня в мутную, быстро растущую лужу.

Только чудом удержалась на ногах, хотя не обошлось без потерь — ремешок светлой замшевой сумочки без предупреждения покинув скользкое плечо, нырнул в грязь, утаскивая за собой мои надежды похвастаться перед подругой «удачной покупкой».

— Всё, это уже не отчистить, можно сразу выбрасывать, — грустно подумала и, подцепив двумя пальцами испачканную модную штучку, на которую ушла вся премия, поплелась к подъезду дома. Тёплый весенний ливень продолжал стучать по согнутой спине, но мне было всё равно — в тот момент казалось, что хуже уже не будет. Как же я ошибалась...

Остановившись у входа в дом под спасительным козырьком, торопливо полезла за ключом, радуясь, что никого из

соседей нет поблизости: страшно даже представить, на какое чучело я тогда была похожа. В это время дверь резко распахнулась, чуть не сбив меня с ног, и весёлый голос младшего брата Димки просмеялся:

– Оп-па, какие люди! Маша, ты, похоже, только что из бассейна, а не с работы. Как водичка?

Я вспыхнула, с размаха ударив насмешника сумкой по плечу:

– Сейчас сам проверишь — полетишь с крыльца в лужу, умник. За собой следи — опять гулять собрался? Выпускные экзамены на носу...

И тут только заметила, что брат *не один*. Это слегка умерило мой пыл: я замолчала, пытаюсь отжать воду с длинных волос и хоть как-то спасти ситуацию. В ответ малолетний оболтус снова засмеялся:

– Не злись, Маш, тебе не идёт. Это мой друг Лёша, мы с ним ещё зимой познакомились на подготовительных курсах. Помнишь, рассказывал?

Ситуация меня бесила, поэтому не глядя, буркнув:

– Привет, — попыталась скрыться в подъезде, но стоявший на пути *новый знакомый*, похоже, не собирался двигаться с места. Пришлось поднять голову, и сердитые слова так и не слетели с моих губ. И не удивительно — мальчишка был очень хорош собой, настоящий красавчик...

Высокий, немного худой, со светлой пышной чёлкой до тёмных бровей, из-под которых, прищурившись, смотрели

смеющиеся синие глаза. Нежный румянец на высоких скулах, насмешливая, нахальная ухмылка кривила идеальные губы — самый неприятный тип мужской красоты: наверняка, высокомерный, избалованный женским вниманием сопляк... И с чего это брату приспичило заводить дружбу с *таким типом*? Димка — нормальный парень, хоть в голове и гуляет ветер, что вполне простительно в восемнадцать лет...

Этот Лёша по взгляду понял, что я о нём думаю и, обаятельно улыбнувшись, демонстративно отошёл в сторону, пропуская меня в дом. Быстро проскользнула мимо, спиной чувствуя на себе его внимательный, изучающий взгляд. Дима крикнул:

– Вернусь поздно! — и дверь захлопнулась, а я, тоскливо посмотрев на горящие кнопки обоих лифтов, означавшие, что счастья в жизни нет, медленно поплелась по чёрной лестнице на далёкий двенадцатый этаж. Смазанные следы, оставляемые за собой вдрызг промокшими босоножками и брызги воды с одежды, наводили на мысль, что наш дом посетило речное чудовище, в лучшем случае — уродливая русалка...

Пыхтя, я медленно поднималась вверх. На переходном балконе, не выдержав, мельком взглянула на улицу: два чёрных зонта сложились у папиной машины, вскоре исчезнувшей за поворотом:

– Вот ведь, паршивец, опять взялся за старое...

Вместе с усталостью нарастало и раздражение, поэтому, наверное, я никак не могла попасть ключом в замочную сква-

жину, а когда дверь, наконец, распахнулась, размокшие бо-соножки полетели в разные стороны. А вслед им понеслась бесполезная, когда-то очень дорогая сумочка, вместе с моими проклятиями весне, ливню, младшему брату и его так не вовремя появившемуся приятелю...

Недолго постояв в ванной и выводя пальцем кривые дорожки на запотевшем зеркале, с непонятым упорством складывавшиеся в буквы знакомого имени, стёрла всё и с тяжёлым вздохом полезла под обжигающие тугие плети воды.

– Неудивительно, что этот красавчик так ухмылялся: чучело — оно и есть чучело. Да какое мне вообще до него дело? Мальчишка, молокосос, плевала я и на него, и на эти синие глаза. Сама виновата, что в двадцать пять лет — одна, разогнала всех, кто ещё со школы крутился возле меня. Как говорит бабушка:

– Слишком высоко задираешь нос, внучка, куковать тебе в девках...

Весь вечер я была не в себе: всё валилось из рук, пару раз слёзы подступали к глазам, но когда позвонила мама, мне хватило ума весело щебетать, что у нас *всё в порядке*: Димка занимается и обязательно сдаст экзамены, пусть она спокойно сидит с больной бабулей...

Брат заявился домой только после полуночи и с виноватым видом присел на корточки у моих ног, улыбаясь и заглядывая в глаза словно верный пёс:

– Маш, не дуйся, а? Мы с Лёшкой занимались, правда,

дополнительные задания такие трудные, а погуляли совсем немного. Иди спать...

Не было ни сил, ни желания ворчать на него, и я молча ушла, в душе снова воцарился мрак. То ужасное чувство, словно страшная лесная птица из детских страхов всё-таки догнала девчонку-подростка и поселилась внутри: она смеялась надо мной, называя неудачницей без будущего¹. А мне было *всё равно*...

Я очень любила младшего брата. В детстве он слушался меня больше взрослых, так было всегда, и даже когда мы выросли, ничего не изменилось. Незаметно Дима стал для меня не просто приставучим братишкой, а настоящим другом, но даже ему я боялась рассказать о поселившейся в душе тьме. Хотя... иногда ловила на себе его *понимающий взгляд*, и становилось ужасно стыдно, что когда-то «самая храбрая сестричка» так легко сдалась...

Время летело, на улице отбушевали вишнёвые ветра, уступив место тополиной метели, а я была вынуждена большую часть дня проводить на работе, привычно бегая по магазинам и думая, чем бы покормить будущего студента. Сегодня жаркое солнышко нагрело улицы так, что, казалось, ещё немного и асфальт вот-вот задымится, блузка прилипла к спине, а предусмотрительно собранные в хвост волосы всё равно намokли от горячих скользких дорожек на шее.

У самого дома прохладные пальцы внезапно обняли мою

¹ Рассказ «Из темноты»

ладонь, отбирая пакет с продуктами. Я чуть не взвизгнула от неожиданности:

– Какого чёрта?

И услышала в ответ незнакомый смех и приятный голос с акцентом:

– Прости, что напугал, Маша. Давай помогу, мы с Димой договорились сегодня позаниматься здесь. А чем будешь кормить? Твой брат так тебя нахваливал...

Возмущённо подняв голову, я приготовилась дать красавчику достойный отпор, способный раз и навсегда отучить от приставаний со своей никому не нужной помощью. Но почему-то промолчала, больше того — покорно отдала пакет, позволив ему открыть перед собой дверь и, только зайдя в лифт, опомнившись, постаралась придать голосу иронии:

– Привет, ты, кажется, Лёша, да? А почему вы с Димой занимаетесь по старинке, забыли, что есть интернет? Как-то странно...

Он рассмеялся, словно я пошутила, его синие глаза сияли, а губы кривила знакомая улыбка, да так, что у меня как у последней идиотки замерло сердце, а пальцы предательски похолодели.

– Меня вообще-то зовут Лео, я из Штатов, родители работают здесь много лет. Но Диме почему-то нравится называть меня *Лёшей*. Знаешь, я уже привык...

Это был неожиданный поворот и, хотя обычно за словом в карман не лезу, на этот раз, закусив губу, промолчала, сделав

вид, что внимательно рассматриваю криво наклепленную на ободранном пластике инструкцию. В лифт ввалилась толпа галдящих подростков, и новый знакомый тут же закрыл меня собой, прижав к стене. Не решаясь посмотреть ему в глаза, я упиралась руками в светлое поло, словно пытаюсь оттолкнуть его подальше от себя, но получилось ещё хуже: горячее дыхание на моих волосах, обжигавший через тонкую ткань жар кожи, и сходявшее с ума под моей дрожащей ладонью чужое сердце, только больше разволновали. Что же в тот момент творилось с этим внешне спокойным мальчишкой? Он, что, *меня боялся?* Ну да, *злая тётя Маша...*

От таких мыслей сразу стало плохо. И зачем, спрашивается, вспомнила о разнице в возрасте? Не такая я уж и старая... *наверное.* Лифт подпрыгнул и остановился, гурьба подростков с криками вышла на шестом этаже, оставив нас вдвоём, но Лёша-Лео не торопился отпускать свою «добычу», а мои руки почему-то упорно продолжали держать его рубашку...

В лифт протиснулся отставной военный, вечно нетрезвый сосед, и, хмыкнув, громко отрапортовал:

– Привет, Маша, надеюсь, я вам, детки, не помешал? Ну ничего, ничего... не обращайтесь на меня внимания.

Почувствовав, что заливаюсь краской, тихо прошептала:

– Отпусти, кому сказала...

Но Лёша даже не пошевелился. Он смотрел на меня глазами, полными нежности и восхищения, словно перед ним стоял небесный ангел, а не измученная работой и жарой, устав-

шая, как чёрт, девушка. Я невольно улыбнулась, и, похоже, *кое-кто* неправильно понял мою реакцию. Его губы несмело прижались к моим, и, растерявшись, вместо того чтобы украсить румяную щёку мальчишки отпечатком своей ладони, я только крепче вцепилась в его рубашку...

Сзади, крикнув, хрипло засмеялся сосед, и только тут меня прорвало: со всей дури оттолкнув обнаглевшего красавчика, со смехом врезавшегося в нетрезвого весельчака, сгорая от стыда, протиснулась к дверям.

– Совсем сдурел, малолетний болван! — я стремительно выбежала из вовремя остановившегося лифта, чуть не сбив с ног собственного брата. Лёша догнал меня, едва шепнув:

– Прости... лифт качнуло...

Не обращая внимания на изумлённого Димку, крикнувшего вслед:

– Маш, ты что сегодня такая злая? Я, между прочим, голодный, как зверь... — влетела в приоткрытую дверь квартиры и заперлась в ванной. Меня душил... *смех*. Не было ни злости, ни досады. В зеркале отражалось вполне довольное симпатичное лицо: глаза радостно блестели, а на губах всё ещё чувствовалось чужое прикосновение. Плеснув холодной воды на горящие щёки, сказала себе:

– Дура ты, Машка, самая обыкновенная дурёха... Немедленно соберись, сделай строгую мину и вперёд — готовить ужин. *Мальчики* проголодались, будь им *хорошей сестрой*...

Я крутилась на кухне, с непонятным волнением прислу-

шиваясь к смеху и звукам английской речи, доносившимся из соседней комнаты:

– Не надо мной же они смеются, правда? Дима бы этого не допустил. Боже, что за глупости лезут в дурную голову... Да нет им до тебя никакого дела, приди в себя: ты — просто *старшая сестра*...

Приготовив ужин, не стала звать ребят к столу: громко постучала в стену и быстро ушла в свою комнату. Тьма в моей душе ликовала, а я, переодевшись в простую футболку и драные шорты, нацепила наушники и, сев на диван, надеялась, что тяжёлый рок заглушит её издевательские вопли:

– Неудачница! Не видать тебе счастья...

Внезапно дверь открылась и, думая, что это Димка, стараясь перекрычать грохот басов, привычно проворчала:

– А стучать тебя не учили, мелкий?

На пороге стоял Лёша, без стеснения рассматривая мои задранные на стол голые ноги. Пришлось быстро поджать их под себя... От моего ледяного голоса в комнате словно похолодало:

– Что-то не так с ужином?

Он без приглашения сел рядом, не спуская с меня весёлых глаз:

– Вообще-то я стучал, — красавчик бесцеремонно снял с меня наушники и, прислушавшись к доносившемуся из них грохоту ударных, одобрительно кивнул, — а с ужином всё хорошо, жаль, что тебя там не было. Ты прекрасно готовишь,

спасибо, Маша.

Не зная куда спрятаться от его горячего взгляда, стараясь придать голосу иронии, кое-как выдавила из себя:

– На здоровье...

На этом разговор замер, и, растерявшись от нахальства мальчишки, я слегка отодвинулась к окну, но коварный блондин и не думал отставать: зачем-то прижав к себе диванную подушку, подвинулся следом за мной. Да этот мелкий паршивец, кажется, решил посмеяться, а зря, меня нельзя дразнить безнаказанно...

От карающей руки его спас Дима, сунувший нос в комнату:

– Что застрял, Лёшка? Пошли... Маш, завтра последний экзамен, надо немного взбодриться, приду поздно.

Я выхватила подушку из рук красавчика, запустив ею в брата:

– Попробуй только завалить экзамен, придушу!

Мои слова вызвали бурю восторга у обоих *дурачков*. Димка обнял за плечи подошедшего к нему друга:

– Я ж тебе говорил, у меня лучшая в мире сестричка — *сама доброта*...

– Угу, угу, — радостно поддакнул ему Лео-Лёша, ловко перехвативший подушку в полёте, — и такая красавица...

Они со смехом выбежали за дверь, но на прощанье красавчик послал мне воздушный поцелуй, и его удивительные глаза на этот раз были очень серьёзны. Я выглянула из-за за-

навески, провожая ребят взглядом, и когда оба, садясь в машину, махнули мне на прощанье, засмеялась, зачем-то кивнув в ответ...

Так и застыла у окна, прислушиваясь к внезапно наступившей тишине *внутри*:

– Что, тьма, не нравится тебе, когда мне хорошо на душе?

Впервые за многие дни я чувствовала себя по-настоящему легко и радостно, хотелось петь и улыбаться без причины.

– Да, да, знакомые симптомы, — проворчала тьма, — опять наступаешь на одни и те же грабли. Хотя в этот раз ты превзошла саму себя — влюбилась в мальчишку, ровесника брата. Знаешь же, что ничего из этого не выйдет, ещё умоешься слезами и вернёшься ко мне, дурочка...

Но тогда мне было всё равно, я просто радовалась жизни, особенно ни на что не рассчитывая. Впрочем, зачем притворяться — так хотелось увидеть *его* снова...

Дима сдал последний экзамен, и я с волнением ждала возвращения брата домой. Торт и шампанское — в холодильнике, в комнате — красиво упакованный подарок, огромный букет цветов в маминой вазе, но после его звонка и торопливого:

– Всё о'кей, я немного задержусь, лады? — настроение упало и с каждым проходящим часом скатывалось всё ниже и ниже. Странное чувство надвигающейся беды росло и заставляло бродить по комнате из угла в угол, то и дело выглядывая в окно. Мобильный брата был недоступен, что, конеч-

но, не улучшало моего состояния.

– Да ничего с ним не случилось, — успокаивала я себя, — отмечает где-нибудь с друзьями, засиделись в кафе или пошли гулять. Ему просто *не до меня*, в такой день это нормально.

Но когда после девяти вечера, Димка объявился на пороге трезвый, но грустный, я всполошилась, бросившись ему на шею:

– Дим, что за дела? Плохо сдал экзамен, да? Ну и ладно, не стоит расстраиваться по пустякам. У меня из-за тебя сердце не на месте...

Братишка улыбнулся, крепко обнимая:

– Прости, Машунь, так получилось, а с экзаменом всё в порядке, правда-правда, можешь поздравить выпускника. О, тут и торт есть, и мой любимый салатик, и шампанское... Эй, америкашка-предатель, ты где прячешься, дуй сюда, хоть поешь немного перед дальней дорогой...

От этих слов сердце не просто упало в пятки, а превратилось в хрупкий ледяной комок, готовый разбиться от любого неосторожного слова. Я посмотрела на дверь, встретившись взглядом с непривычно печальными глазами Лёши, хотя его губы, как обычно, улыбались. Он стоял, прислонившись к дверному косяку, пряча руки за спиной.

Вырвавшись из цепкого захвата братишки, быстро переключившегося на поедание приготовленных мной «вкусняшек», подошла к блондину:

– А с тобой-то что не так, плохо сдал?

За него ответил Димка с набитым ртом:

– Ты чего, Маш? Лёшка у нас не только красавчик, у него и голова на месте. Я за него спокоен... — и продолжил уничтожать торт, словно боясь, что ему не достанется последний кусочек.

Даже не поняла, как у меня оказался огромный букет влажных белых роз. Испуганно посмотрела на Лёшу, чьи руки осторожно поддерживали мои ладони.

– Это мне? Почему... — смущённо покраснела, запинаясь, как робкая первоклассница, — спасибо, Лёша... Садись за стол, угощайся. Ты *куда-то уезжаешь*? — я старалась не смотреть на него и не узнавала свой, странно звучащий, потерянный голос. Думаю, он без труда понял, что тогда творилось в моей душе.

Красавчик сел рядом с уплетающим за обе щёки Димкой, опустив голову, и водил вилкой по краю пустой тарелки. Я делала вид, что ищу вазу для роз, а сама, замирая, ждала ответа.

– Понимаешь, Машенька, моя семья недавно переехала в Питер. Я решил дальше учиться там, вот Дима и сердится. Мама всё время болеет, не хочу оставлять её одну. У меня же ещё две маленькие сестры и брат, за ними тоже нужен *глаз да глаз*. Так, кажется, у вас говорят? Но ведь Питер совсем близко, всего четыре часа на Сапсане. Я буду часто приезжать... Вот сейчас устраюсь, а через две недели обязательно

вернуть...

В это время Димка бросил есть, решительно вскочив из-за стола:

– Я быстро сбегаяю к Юрке, ну знаешь, зачем, не отпускать же тебя без подарка. У нас ведь есть полчаса, да? Лёш, подожди, мигом вернусь и отвезу на вокзал. Вы пока поболтайте...

Хлопнула входная дверь, а я, положив букет на край стола, с ожесточением накладывала салат в *его* тарелку и, кажется, перестаралась. Красавчик с улыбкой остановил мою руку, когда всё содержимое салатницы оказалось перед ним. Его акцент показался мне особенно милым:

– Хочешь, чтобы я лопнул и остался здесь?

– Хочу, — еле прошептала эти ужасные слова, но он слышал, и в следующее мгновение притянул меня к себе. Всхлипнув, я оказалась у него на коленях. Мои не очень решительные попытки вырваться, ни к чему не привели, а возражать я не могла — губы оказались надолго заняты...

Мы не замечали времени: припухшие от поцелуев губы горели, пока густые пепельные пряди струились между моими пальцами, а горячая щека прижималась к его щеке. Лёша тяжело дышал, что-то тихо шепча мне на ухо по-английски, а я только кивала и плакала, повторяя:

– Не хочу тебя потерять, не хочу...

Димка словно нарочно долго и громко возился с ключами, давая нам возможность отодвинуться друг от друга и приве-

сти себя в порядок. Брат зашёл в комнату с довольным видом, потрясая бумажным пакетом и радостно вопя:

– Лёха! Я его достал, теперь смогу отправить тебя в Питер с чистой совестью. Что сидишь такой бледный и взъерошенный как воробей? Собирайся, пора ехать, а то опоздаем. Маш, дай нашему американскому другу бутылку воды в дорогу.

Кивнув, быстро побежала на кухню и, умывшись под струёй ледяной воды, чтобы спрятать предательские дорожки от слёз, достала из шкафа бутылку минералки. Дима тронул меня за плечо так, что я чуть не подпрыгнула от неожиданности. Брат смущённо отвёл взгляд в сторону:

– Маш, я тебе, конечно, не мама, но всё-таки... Ты уверена в том, что делаешь? Лёшка — отличный парень, серьёзный, в общем, совсем не такой, как кажется на первый взгляд. Но он же *красавчик*, на него все девчонки вешаются, у него таких — на каждой улице...

Я схватила его за руку, чувствуя, что ещё одно слово, и сердце не выдержит, разлетаясь кровавыми осколками:

– Замолчи, Дим, прошу тебя, *не надо*...

Братишка понятливо кивнул, и мы вместе вышли в комнату к стоящему у двери Лёше. Протянув ему бутылку с водой, обречённо смотрела, как он убирал её в рюкзак, коротко обменялись ничего не значащими фразами, и дверь захлопнулась.

Два почти одинаковых силуэта в сумерках остановились

около машины, одновременно посмотрев наверх, но лишь один из них махнул рукой. И я ответила тем же, гадая, кто это был... Машина скрылась за поворотом, а меня без сил отбросило на диван, где ещё совсем недавно *он* был рядом. Красавчик, сводящий с ума глупых девчонок, тот, что обещал *не забывать*...

Теперь уже мои губы кривила ироничная улыбка:

— Конечно, *Лео или Лёша*, какая разница кто из вас только что признавался мне в любви, умело целуя. Но я не маленькая девочка и уже не верю пустым обещаниям, тем более таких «красавчиков». Вот сейчас сядешь в поезд и забудешь меня навсегда, потому что завтра встретишь ещё десяток таких же дурочек, а может, и больше, *милый мальчик*. Говорил, что вернёшься через две недели, уверенный, что я буду тебя ждать, проливая слёзы? Как бы не так...

Я бормотала себе под нос, убирая со стола посуду, и прислушивалась к внутренней тьме: она почему-то молчала, не затянув привычное — «предупреждала же тебя». Неужели, *она ушла*, но почему? Я ведь так и не стала счастливой... Или это ты, Лёша, так её напугал, — единственный, настоящий...

Тарелка выпала из руки, разлетевшись по комнате белыми фарфоровыми брызгами.

— Это к счастью, — ноги сами понесли меня к календарю. Решительно вытирая слёзы, дрожащим карандашом отметила две недели разлуки, — да пошли все к чёрту! Я дождусь

тебя, *Лёша*, обязательно дождусь, только возвращайся скорее...